

происхождения тех или иных масок. Автор отмечает наличие в Корее масок, связанных с тотемом, служивших для устрашения врага и имевших культовое значение. Примером маски, связанной с тотемом, может служить маска «льва» — сачжи. Танец льва в Корее сохраняет свое значение и в наши дни. Другие маски животных — коровы, тигра, зайца, распространенные на восточном побережье страны в районе Пукчхон и в провинции Северный Хванхэ, утратили свое былое значение. Автор проделал большую работу по исследованию возникновения и происхождения игр льва в Корее, имеющих широкое распространение, хотя, как известно, львов в Корее нет. Он указывает, что танец льва проник в Корею извне, в эпоху Силла в V—VI вв., и развивался на основе традиций танца тигра, имевшего большое распространение среди народа силла. Впоследствии танец тигра трансформировался, и заимствованный образ льва слился с образом тигра. В народе до сих пор танец льва часто воспринимается как танец тигра (стр. 9). Маска льва обычно делается белого цвета и напоминает иногда морду теленка, тигра или кошки. В тигре, по религиозным представлениям корейцев, воплощается лесной дух. Тигру приписывались сверхъестественные свойства: он мог перевоплощаться в путника, красивую девушку и т. д. В книге отмечается, что вера в лесных духов была распространена в Корее повсеместно очень широко еще 20—30 лет тому назад. Верования, отождествляющие тигра с лесным духом, и обряды, связанные с тигром, уходят своими корнями в глубокую древность. Они сопровождались музыкой и песнями и продолжались несколько дней и ночей. Все это подтверждает, что тигр был тотемным животным. Танец тигра, по мнению автора, мог возникнуть подобно медвежьему празднику у других народов в связи с религиозным представлением о тигре как тотеме. Добавим, что культ тигра нашел отражение и в некоторых обрядах, связанных с охотой на него (костюм, съедание печени тигра перед охотой и др.).

В Корее были распространены и маски воинов, надевавшиеся для устрашения врагов.

Отдельные виды танцев в масках связаны с религиозными ритуалами изгнания «злого духа», как, например, танец «мэгва», исполнявшийся группой людей, которые, играя на народных инструментах (барабаны, флейты), обходили дома. Автор указывает на наличие в Корее религиозных обрядов — «наре» (от китайского слова «на» — прогонять, изгонять бесов)⁴. Наре в Корее связаны с обрядами заклинания злых духов, и при их исполнении надевались маски, изображающие духов. Некоторые танцы этих обрядов напоминают китайские. Автор подчеркивает большое сходство корейского обряда «тэмен» с древним китайским танцем «пансанси». В обоих случаях надевалась четырехглазая желтая маска и вывернутая шкура медведя. В книге дается подробное описание отдельных классических танцев, бытующих в Корее до настоящего времени, таких как «Чхоенму», «танца с мечами» и др. Танец «Чхоенму» восходит ко второй половине IX в. В то время его танцевали вчетвером, в гротескных масках и сопровождали возгласами. В танце «Чхоенму» автор находит отражение веры в морского духа-дракона. Впоследствии этот танец был драматизирован, и в нем принимали участие до 70 человек. Другой классический танец — «танец с кинжалами» — исполнялся, как сообщает автор, в эпоху Силла и в XIV—XV вв. в маске, которая впоследствии исчезла.

Размеры рецензии не позволяют нам всесторонне осветить вопросы, поднятые автором в его труде. Но и приведенные примеры свидетельствуют о большом научном значении этой работы, содержащей огромный фактический материал.

Работа Ким Иль Чхула ценна не только для специалистов, занимающихся изучением культуры Кореи, но и для широкого круга ученых — этнографов, историков, искусствоведов. В ней содержатся интересные сведения о народном искусстве — танцах в масках, зарождении театрализованных представлений, ранних формах религиозных верований и др. Желателен перевод книги на русский язык.

Ю. Ионова

ЖУРНАЛ «МАДЖАЛЕЕ МАРДОМШЕНАСИ» (1956—1958) *

Выходящий с 1956 г. ежемесячный журнал «Маджалее мардомшенаси» (Этнографический журнал) — орган Музея народоведения в Тегеране. На его страницах публикуются статьи и исследования иранских и иностранных ученых, освещающие различные стороны истории, быта, материальной и духовной культуры народов Ирана в прошлом и настоящем.

⁴ Архимандрит П а л л а д и й, Китайско-русский словарь, Пекин, 1888, ч. 1, стр. 447.

* «Маджалее мардомшенаси». Аз энтешарате эдарее колль хонархае зебае кешвар. Маджалее махиане. Тегеран (Этнографический журнал. Издание Главного управления изящных искусств. Издается ежемесячно). Главный редактор Али Ганибал. Годы издания первый и второй, Тегеран, 1956/57, 1958 (1335, 1337 иранской солнечной эры).

Журнал открывается рядом статей, в которых дается определение содержания и задач этнографии как науки. Нельзя не отметить, что в этом принципиальном вопросе иранская этнография, находясь в теоретическом отношении под сильным влиянием идеалистических течений европейской буржуазной науки, а подчас и под воздействием националистических настроений, еще не выработала у себя правильной научной методологии и четкого понимания задач этнографии как науки. Так, например, д-р Шафак (Тегеранский университет), встав на позиции социального дарвинизма, рассматривает этнографию как часть биологии; основную задачу этнографии он видит в изучении различных племен и народностей с точки зрения их «исторической жизнеспособности»¹. Во многих статьях, особенно принадлежащих буржуазным европейским ученым, усиленно проповедуются реакционные идеи «антропологической теологии»², а также исключительности «иранского народа, обладавшего еще в отдаленном прошлом якобы более ясным и тонким мышлением, чем остальные народы»³.

Основной интерес в рецензируемом журнале представляют, естественно, статьи и публикации передовых представителей иранской интеллигенции, содержащие полевого этнографического материал; к характеристике некоторых из них мы сейчас переходим.

Иранские ученые уделяют большое внимание фиксации некоторых сохранившихся до наших дней древнеиранских обычаев и обрядов. Статья Джихангира Михрбанпура «Свадебные обряды у зороастрийцев в окрестностях Иезда»⁴ основана на результатах личных наблюдений и даже участия в некоторых из них. Любопытно некоторые приведенные автором факты: во время помолвки жених и невеста обмениваются гранатом и зелеными ветками (кипариса или мирта)⁵. Иногда невеста одаривает жениха шелковым зеленым платком. Жених и невеста обмениваются золотыми кольцами⁶. До свадьбы жених имеет право иногда навещать невесту. Во время свадебной церемонии жених и невеста сидят рядом, и мубед во второй раз спрашивает согласие двух сторон. В это время один из приятелей жениха, стоя над ним, кладет на ладони рук яйцо и бросает его в воздух так, чтобы, упав, оно разлетелось на мелкие кусочки. Символику этого обряда автор объясняет так: если частички яйца можно собрать, то можно разорвать и семейные узы. Свадьба происходит вечером и в доме жениха, и в доме невесты. После ужина гости со стороны жениха отправляются за невестой. В доме невесты в это время готовятся к ее отправке в дом жениха. После того как гости со стороны жениха и со стороны невесты встретятся, отец невесты берет ее за руку и выводит вперед. Лицо невесты в это время закрыто большим шелковым платком зеленого цвета. Вся шумная процессия отправляется в дом жениха. По дороге у каждого дома складывают небольшие костры⁷, произносят благожелательные стихи и осыпают невесту сахаром и леденцами⁸. У дома жениха невеста останавливается, и ее отец требует у отца жениха подарок — пайандоз⁹ (это может быть баран, теленок, посуда и т. д.). Подарок включается в приданое невесты. Затем невесту вводят во двор, и жених вместе с дехмубедом, а иногда со своей сестрой трижды обводит ее вокруг разложенного во дворе костра¹⁰. Во время этой церемонии молодых осыпают конфетами и серебряными монетами. После завершения третьего круга жених и невеста идут в комнату и садятся на приготовленное для них ложе. В комнату вносят сосуд с шербетом. С лица невесты снимают покрывало, и жених поит ее шербетом. Гости расходятся. Автор отмечает, что правилом для зороастрийцев является единобрачие. Развод у них не принят. Вторичный брак возможен в случае смерти мужа или жены. В этом случае каждый из них волен в своем выборе. Брак разрешается девушкам с 14 лет, а юношам — с 15 лет. По зороастрийской религии разрешается кузенный

¹ См. рецензируемый журнал, 1956, № 1.

² См., например, статьи проф. А. Корбена (Парижский университет) в рец. журнале, 1956, № 2, и 1958, № 4, 5, 6.

³ См., например, статью «История религиозных верований в Кермане» (рец. журнал, 1956, № 2), а также статью проф. П. Эври (Кембриджский университет) в рец. журнале, 1958, № 1—3.

⁴ См. рец. журнал, 1956, № 1.

⁵ Ср.: Садек Хедаят, Нейренгистан, «Переднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIX, М., 1958.

⁶ Предварительные переговоры и помолвка происходят при посредстве дехмубеда, а на свадебной церемонии присутствует мубед, который, по объяснению автора, живет в городе и только в особых случаях приезжает в деревню (мубед — духовное лицо зороастрийцев).

⁷ Ср.: Н. А. Кисляков, Сочинение Абу Бекра Мухаммеда Наршахи «История Бухары» как этнографический источник, «Труды АН Таджикской ССР», т. XXVII, 1954, стр. 60), где автор отмечает, что «традиция зажигания праздничных костров сохранялась главным образом на территории древних Согда, Осрушаны и прилегающих к ним районов», т. е. на территории древнего распространения зороастризма.

⁸ Ср.: Р. А. Галунов, Средняя персидская свадьба, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», XIII, 1930, стр. 193.

⁹ Пайандоз — букв. подстилка под ноги.

¹⁰ Ср.: Н. А. Кисляков, Указ. соч., стр. 60.

брак (дочери сестры отца — амма и сына брата отца — аму, а также детей сестер по матери — халэ). Принято также, чтобы зороастрийцы заключали браки только среди своих единоверцев.

В том же номере журнала помещена статья, посвященная небольшой группе древнеиранского населения — сабейцам, часть которого живет на юге Ирака, а другая часть (около 5 тыс. человек) — в Иранском Хузистане. Основная масса сабейцев живет в городах Ахвазе, Хоррамшахре, Абадане и занимается ювелирным ремеслом: изготовлением серебряного оружия и чеканкой по серебру. Статья в основном построена на материалах европейских авторов.

Как бы непосредственным дополнением к одной из первых иранских публикаций народных поверий, обычаев и обрядов¹¹ служит статья Н. Таджрибе Кар «Некоторые древние обычаи»¹². Внимание автора привлекли районы Кермана, Забуля, Берджена и Табаса, где еще живы различные доисламские верования и обычаи, сохранившиеся и в быту мусульман. Вот их краткое содержание: «Суфре андохтан»¹³ — гадание об исполнении желания; для него в комнате расстилают чистую скатерть и расставляют еду. При этом режут обязательно черную курицу. Место, где ее режут, должно быть абсолютно темным (где не видно ни неба, ни солнца). При ее приготвлении обязательно соблюдение ритуальной чистоты. Когда скатерть разостлана, берут чисто вымытое яйцо, заворачивают в вату, посыпают сверху майораном «авшан» (ogianum majogana) и в посуде с растертой солью ставят на край скатерти. Затем зажигают несколько свечей, и на огонь сыплют испанд и ладан. Все эти обряды, пишет автор, у зороастрийцев исполняет мубед, а у мусульман — мулла. Приглашенные, родственники и соседи, должны тихо сидеть в соседней комнате. Двери комнаты, где разостлана скатерть, крепко закрывают, дочь царя пери должна спокойно отвеждать угощение. Перед тем как войти в комнату, мулла или мубед произносит молитву и только тогда зовет владельца скатери. Последний должен также прочесть молитву, назвать желаемое и провести по векам сурьмой. После этого всех приглашают к скатерти. Кости и все, что остается от курицы, должно быть зарыто в землю или брошено в проточную воду. На следующий день яйцо, которое было завернуто в вату, несут к человеку, гадающему по яйцам. Обычно это зороастриец. Он внимательно рассматривает яйцо и определяет, приняла дочь царя пери эту скатерть или нет. «Суфре андохтан» обычно проводят в дни нового года (весеннего равноденствия), хотя иногда это гадание совершается и в другое время. Аналогичен описанному обряд «бу хош кардан» — подношение курения. В этом обряде вместо еды на скатерть ставят зелень, цветы, ладан, испанд, куриное яйцо и сурьму. Это гадание больше распространено у бедняков. В своей молитве мубед, обращаясь к дочери царя пери, просит простить хозяину скатерти его бедность и исполнить его желание.

В статье описаны также два обряда, связанные с «устранением дурного глаза» — «назар гирифтан» и «заг сохтан»¹⁴. Последний является также и своеобразным гаданием о судьбе человека по тому, как квасцы горят и какую они примут форму, предсказывают судьбу.

Небольшим группам населения, живущим территориально изолированно и сохраняющим вследствие этого ряд характерных черт в материальной и духовной культуре, посвящены также две статьи, помещенные в № 1—3 рецензируемого журнала за 1958 г. Хабиб Ягмаи в статье, посвященной центральным областям Большой соляной пустыни¹⁵, подчеркивает, что язык жителей этого района в значительной мере сохраняет форму среднеперсидского языка. В подтверждение автор приводит названия некоторых селений, входящих в район Джандаке Биабанак, и дает этимологию каждого из них. В статье приведены также образцы кыта¹⁶, написанных на местном диалекте; к ним приложен словарь диалектных слов и выражений, встречающихся в тексте. Статья хорошо иллюстрирована, приложена подробная карта района. Большой недостаток этой статьи, как, впрочем, и журнала в целом, — отсутствие характеристики современных социальных отношений и жизненного уровня в деревнях. Бедственное положение населения автор объясняет только неблагоприятными климатическими условиями и отсутствием воды. Лет 30 назад сам Хабиб Ягмаи был организатором одной из первых государственных школ в этом районе. Позже было создано еще несколько школ, но этого, как пишет сам автор, недостаточно для 140 деревень. О медицинском обслуживании жители не имеют никакого представления.

Описанию одного из южных районов Ирана посвящена статья Хасана Дарахшана «Племена Джебалбареза»¹⁷. Автор побывал в трех волостях Джебалбареза — Амджаз, Гаукан и Максун и собрал материал по верованиям, свадебным обрядам и обычаям,

¹¹ См.: Садек Хедаят, Указ. соч.

¹² См. рец. журнал, 1956, № 4—5.

¹³ Суфре андохтан — букв. расстилание скатерти.

¹⁴ «Назар гирифтан» — устранение дурного глаза. «заг сохтан» — сжигание квасцов.

¹⁵ Хабиб Ягмаи, Джандаке Биабанак, рец. журнал, 1958, № 1—3.

¹⁶ Кыта — стихотворение из 2—3 или более стихов с рифмой типа *a, a, ...a*.

¹⁷ По современному административному делению Джебалбарез является одним из четырех районов (бахшей), входящих в шахристан Джирофт, который в свою очередь входит в восьмой астан с центром в г. Кермане.

связанным с похоронами и трауром. Население этого округа насчитывает 10 тыс. человек. В условиях гористой местности основное занятие населения — скотоводство, разведение лошадей и мулов и отчасти садоводство. По религии жители Джебалбареца мусульмане-шииты, в отличие от соседних белуджей-суннитов. Наиболее детально дано описание свадебных обрядов, в основных чертах совпадающее с известными в литературе описаниями персидской свадьбы. Особенно подчеркиваются обязательная стрельба из ружей при въезде в деревню, состязания в быстрой езде на лошадях, танцы вокруг костра под звуки барабана и саза. Распространен мужской танец с палочками — «чуббаз», хорошо известный у соседних белуджей. В качестве образца местного диалекта приведен народный тасниф¹⁸.

Статья Яхьи Зека о скороходах, сопровождавших вельможу при выезде и расчищавших ему путь, подробно излагает приемы тренировки и церемонии, связанные с поступлением в скороходы. Статья снабжена рисунками с изображением скороходов в различные эпохи, начиная с Сефевидов, и подробным описанием их одежды¹⁹.

В статье Сейда Мухаммеда Хашими «Изобретение каризов. Каризы Кермана»²⁰ автор приводит предания, связанные с изобретением каризов в Кермане, и различает два вида водоподъемных сооружений: для неглубоких колодцев — «дулаб», а для глубоких — «гоугард». Первое сравнивается с распространенным в арабских странах водоподъемным сооружением «нория». Глубина известных в Кермане колодцев доходит до 120—160 м, а протяженность каризов — до 8 фарсангов. Говоря о времени их появления, автор отмечает, что среди названий основных из них чаще всего встречаются имена эпохи Ахеменидов и Сасанидов. К статье приложен интересный рисунок гоугарда (букв. — «вращаемый быком»). На рисунке нанесены названия всех частей этого сооружения.

Кроме собственно этнографических материалов, в журнале уделяется большое место публикации фольклорного материала, литературоведческим исследованиям, описанию и истории архитектурных памятников. В № 1 журнала за 1956 г. помещена интересная статья известного собирателя иранского фольклора Кухи Кермани²¹, основанная на результатах поездки автора в Гульпайган, Хунсар и Камра в 1936 г. Автором было записано 9 кысса — сказок и около 300 бейтов. Две сказки записаны на местном диалекте. В качестве образца приведены два неопубликованных четверостишия из района Хунсара и лурский тасниф с комментариями автора.

Статья Хамзаи Сардадвара²² посвящена астрологическому гаданию «рамль». Она иллюстрирована фотографиями астрологических таблиц и гадательных кубиков, применяемых при этом гадании.

Описанию народных развлечений посвящена статья Хасана Раховарда «Зурхан»²³, в ней сделана попытка показать исторические корни этого вида народного развлечения. Журнал не ограничивает свои интересы этнографией только народов Ирана. Об этом свидетельствует публикация в нем перевода на персидский язык статьи английского ученого Хью Кэрлесса «Таджики долины Панджшира»²⁴.

Статья является результатом поездки автора в 1953 и 1956 гг. по долинам Панджшира и Андароба с населением смешанного таджикско-узбекского происхождения и по долине Алингар, населенной кафирами (нуристанцами). Автор приводит некоторые географические данные, исторические предания, затрагивает вопрос о происхождении панджширских таджиков, об их языке, основных занятиях и современном положении. Интересны приводимые в статье сведения о современном составе, численности и занятиях населения долины Панджшира. Основным центром таджикского населения в Афганистане являются горные долины к северу от Кабула, долина Панджшира и Бадахшан. Встречаются группы таджиков и в окрестностях Герата и Газны. По Кэрлессу, в Афганистане сейчас живет около 3 млн. таджиков²⁵, из них в самой долине Панджшира живет от 80 тыс. до 120 тыс. человек²⁶.

Торговым центром Панджшира является Гульбахар, насчитывающий около 20 тыс. жителей. Многие панджширцы переселяются сюда и работают на новой текстиль-

¹⁸ Тасниф — род народного романа.

¹⁹ Рец. журнал, 1958, № 4, 5, 6; этому же автору принадлежат вышедшие отдельным изданием (на персидском языке) работы «Одежда женщин Ирана», Тегеран, 1957, и «Цыгане и их жизнь», Тегеран, 1957.

²⁰ См. рец. журнал, 1956, № 1.

²¹ О нем. см.: «Персидские сказки». Перевод Р. Алиева, А. Бертельса и Н. Османова, М., 1958.

²² См. рец. журнал, 1956, № 1, 2.

²³ См. рец. журнал, 1956, № 3.

²⁴ См. рец. журнал, 1956, № 1.

²⁵ Ср. С. И. Брук, Этнический состав и размещение населения в Передней Азии, «Переднеазиатский этнографический сборник» I, М., 1958, стр. 89, где приведена цифра в 2740 тыс. таджиков в Афганистане.

²⁶ Автор отмечает, что дать точную цифру очень трудно, так как селения разбросаны небольшими группами по несколько домов. Эта цифра основана на приблизительном подсчете, что в 400 селениях долины живет 20 тыс. семей, а каждая семья состоит из 5—6 человек.

ной фабрике. В поисках временного заработка дровоколы-панджширцы приходят и в Кабул.

Таджиков в Афганистане, в отличие от афганцев, говорящих на пушту, и от тюркоязычных узбеков и туркмен, называют фарсиван, так как они говорят на языке, близком к персидскому. Ссылаясь на работы Богданова и Мухаммада Таги, автор статьи называет язык панджширских таджиков кабульским диалектом персидского языка и отмечает его сходство с диалектами Хорасана. Однако приведенные автором образцы речи панджширцев дают основание утверждать, что это типичный таджикский язык. Кроме таджиков, в долине Панджшира насчитывается от 300 до 400 семей хазара. В отличие от хазара, живущих в Хазараджате и исповедующих шиизм, хазара долины Панджшира являются суннитами. Возможно, указывает Кэрлесс, перемена религии была платой за разрешение поселиться среди панджширских таджиков. В 50 милях от Гульбахара и в долине р. Шатуль Кэрлесс указывает несколько селений, отмеченных в 1924 г. Моргенштерном и в 1926 г. М. С. Андреевым как колыбель языка парачи. В наши дни на диалекте парачи говорит несколько сот человек.

В статье подчеркивается, что земледелие, садоводство в предгорной части и, в меньшей степени, скотоводство составляют основные занятия таджиков Панджшира. В садоводстве ведущее место занимает разведение тута. Собирают тут очень тщательно, практикуется несколько способов сбора, подробно описанных автором. Собранный тут раскладывают на глиняных крышах домов и сушат на солнце. Сушеный тут толкут и прессуют. В прессованное толокно тута — «талган» прибавляют толченый орех. В Верхнем Панджшире, или Парiane, из-за более сурового климата основную пищу населения составляют пшеница, ячмень, кукуруза и молочные продукты. Скот пасут на летних пастбищах, расположенных в соседней долине на высоте 3—5 тыс. м. Жители Парiane ведут полукочевой образ жизни — весной они переселяются со скотом на летние пастбища, где живут в хижинах — «колбе», стены которых сложены из камней, а потолок перекрыт листьями дикого ревеня и сверху обмазан глиной. На пастбищах по крутому склону Мир Самира Кэрлесс наблюдал афганских кочевников, пасших свой скот вместе с местными таджиками. Отличительным их признаком на пастбищах были только черные палатки из козьей шерсти. Эта группа афганцев появляется здесь с незапамятных времен и никаких налогов за пользование этими пастбищами не платит. С наступлением холода они перекечывают ниже, в Лагман (недалеко от Джалалабада). Время переходов длится несколько недель. Одежду жителей верхнего Панджшира составляют рубаха и широкие шаровары из хлопчатобумажной ткани домашнего производства, а обувь представляет собой сапоги — «чакма», доходящие до середины голени и завязывающиеся тесьмой.

В свободное от полевых работ время жители Панджшира занимаются изготовлением войлоков — «намад», грубошерстных безворсовых ковров — «гилим-е зибр» и других шерстяных изделий. Лучший сезон для охоты — зима, так как в это время куропатки и горные козлы спускаются вниз. Наиболее опытных и старых охотников называют миргун. Сохраняется следующий обычай «передачи мастерства» опытного охотника молодому: старый охотник прячет свое ружье, а молодые охотники ищут его. Тот, кто найдет, имеет право купить это ружье, а вместе с ним и «удачу» старого охотника.

Кэрлесс приводит интересные данные о налогах с крестьян: за лошадь — 8 афгани, за корову — 4 афгани, за овцу или козу — 2 афгани, за джариб земли — 4 афгани. Эти налоги, пишет автор, очень значительны по сравнению с огромными, ежегодно ложившимися на крестьян расходами по отправке группы панджширцев в Мекку на поклонение Каабе (21 тыс. афгани) или с той суммой, которую крестьянин должен уплатить за право жениться (от 5 тыс. до 8 тыс. афгани). Вместе с тем, говорится в статье, в Панджшире на 20 деревень нет ни одной лавки, чай и сахар являются роскошью.

Заканчивая краткий обзор доступных нам номеров журнала «Маджалее мардомшенаси» отметим, что значительная часть опубликованных в нем статей хорошо иллюстрирована.

Кроме этого журнала, за последние годы в Иране вышел в свет ряд интересных этнографических работ описательного характера, опубликованных как в различных периодических изданиях, так и в виде отдельных брошюр²⁷.

Ф. Люшкевич

²⁷ Кроме упомянутых работ Яхья Зека, отметим хорошо иллюстрированные статьи в ж. «Нагш ва негар» (например: «Одежда зороастрийцев Ирана», 1958, № 5; «Одежда иранцев XIX в.», 1958, № 6; «Изготовление и иллюстрация изделий из папье-маше», 1958, № 6, и др.). Из отдельных вышедших брошюр интересны работы А. Хедайатоллы «Обряд бракосочетания в древнем Иране», Тегеран, 1958; А. Касрави «О распространении курения в Иране и происхождении слов «чубук» и «кальян», Тегеран, 1958. Много работ посвящено истории древних городов Ирана.